

Обеспечение еврейских общин мацой в СССР в 1960–1980-е гг.

С. С. Падалко

В статье исследуется проблема обеспечения мацой еврейских религиозных общин в СССР в 1960–1980-е гг. в оптике советской бюрократии. В частности, анализируются механизмы производства и распределения мацы, выделяется два основных способа: централизованный (через государственные цеха или общинные мацепекарни) и частный (домашняя выпечка). Особое внимание уделяется взаимодействию общин с Советом по делам религий (СДР), включая трудности получения муки, санитарные требования и финансовый контроль. Применение компаративистского метода к материалам трёх регионов выявляет существенные различия в стратегиях взаимодействия общин с властями. На примере еврейских общин Ленинграда, Нальчика и Брянской области показано, как власти ограничивали производство мацы, а общины адаптировались к давлению, сохраняя религиозную традицию. Делается вывод о том, что организация производства мацы становилась важной задачей, требовавшей значительных усилий со стороны еврейской общины во взаимодействии с государственными органами, что подтверждало её институциональный статус. Исследование основано на архивных материалах, включая отчеты уполномоченных СДР, и дополнено этнографическими данными. Статья вносит вклад в изучение повседневной религиозной жизни советского еврейства и их стратегий сохранения традиций в условиях государственного контроля.

Ключевые слова: маца, евреи в СССР, иудейские общины, Песах, советская бюрократия.

Благодарности: статья подготовлена в рамках исследовательского гранта РНФ № 24-18-00479 «Еврейская духовная традиция и сохранение идентичности: от Библейской эпохи к современной России».

Для цитирования: Падалко С. С. Обеспечение еврейских общин мацой в СССР в 1960–1980-е гг. // История повседневности. – 2025. – № 3. – С. 107–121. DOI: 10.35231/25422375_2025_3_107. EDN: IOABCC

Введение

Маца – один из основных кошерных продуктов, без которого невозможно соблюдение праздника Песах, её употребление в первый вечер праздника предписано Торой. Хотя советское религиозное законодательство не запрещало изготовление мацы, однако, учитывая необходимые для этого особые условия и значительное количество муки, крупномасштабное производство мацы было невозможно без санкции государственных органов. Поэтому решение задачи производства мацы входило в прямые обязанности общин.

Вопрос обеспечения мацой, как и другими религиозными предметами, представляет особый интерес в контексте изучения еврейской духовной традиции, поскольку эта тема практически не освещена в истории советского еврейства. Подобный исследовательский пробел во многом объясняется доминированием в историографии темы борьбы еврейского движения за эмиграцию из СССР. Во многом такой взгляд на советскую еврейскую историю был обусловлен личной вовлеченностью исследователей, которые в свое время были активными участниками движения [1, с. 190].

В то же время отдельные аспекты еврейской истории, в том числе выпечка мацы религиозными общинами, рассматривались Мордехаем Альтшуллером [2, с. 161–182] и Семёном Чарным¹. Обеспечение евреями Латвии мацой исследовала Карина Баркан [3]. Однако перечисленные работы отражали религиозную жизнь евреев 1940-х – первой половины 1960-х гг. и не охватывают последующие десятилетия.

В этнографических исследованиях соблюдение евреями религиозных традиций в советский период нашло отражение в коллективных сборниках по отдельным регионам: Латгалии (Восточной Латвии), Смоленщине, Грузии, куда вошли материалы полевых экспедиций Научно-гуманитарного центра «Сэфер» 2010-х гг. [4–6]. В частности, в статье Марии Каспиной освещается соблюдение диетарных религиозных предписаний евреями Смоленщины и Брянщины [7].

В рамках данной статьи ставится цель – исследовать отражение процесса обеспечения еврейских религиозных общин мацой к ве-

¹ Чарный С. А. Государственная политика в отношении еврейских религиозных общин в период «оттепели» 1953–1964: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 215 с. EDN: NQDIDB

сеннему празднику Песах в документах уполномоченных Совета по делам религии (далее СДР). Источниковая база данной работы строится на материалах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.), Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР) и Государственного архива Брянской области (ГАБО) отражающих повседневную религиозную жизнь трех общин: Ленинградской хоральной синагоги, Нальчикской общины горских евреев и еврейских общин Брянской области (Клинцев, Новозыбкова, Брянска).

При работе с данным типом источников нельзя не отметить проблему достоверности и степени репрезентации религиозной жизни в документах уполномоченных СДР [8, с. 486]. Методологически в данной статье проблема достоверности трактуется в рамках антропологии бюрократии. Исследуемые отчёты рассматриваются как документы с приобретённым статусом достоверности заключительного акта, не предполагающие процедуры проверки репрезентируемой ими информации, истинность которой освещена инстанцией [9, с. 19]. Таким образом, информация, представляемая уполномоченными в отчетах, считается достоверной, поскольку создана органом власти – СДР и включена в систему принятия решений по религиозному вопросу другими органами, опиравшихся в своей деятельности на данные отчеты (центральный аппарат СДР, партия, правительство).

Методологически работа опирается на принципы исторической антропологии, рассматривающей документы уполномоченных не только как источники информации, но и как продукты специфической бюрократической культуры позднесоветского периода. Применение компаративистского метода к материалам трёх регионов (Ленинград, Нальчик, Брянская область) выявляет существенные различия в стратегиях взаимодействия общин с властями.

Результаты

Сбор данных о выпечке мацы еврейскими религиозными общинами становится наиболее популярным сюжетом в ежегодных отчетах уполномоченных СДР. Связано это было как со сложностью самого процесса выпечки мацы и ее реализации, в который

был вовлечен аппарат областных СДРК, так и тем, что в структуре бюджета общин доходы от продажи мацы связывались с уровнем их благосостояния напрямую. Ленинградский уполномоченный в отчете за 1969 г. докладывал, что за «прошедший год оборот от продажи мацы составил 80 428 руб. (изготовлено мацы – более 59 тонн), после вычетов расходов, чистая прибыль составила 27 178 руб. или 20 % всех доходов общины» [10, л. 46].

Процесс обеспечения мацой был затруднен по разным причинам. Во-первых, необходимо было подобрать подходящее место под мацепекарню. Поскольку еврейская традиция жестко регламентирует процесс выпечки и соблюдение ритуальной чистоты помещения и утвари, используемой при выпекании, задача не была тривиальной.

Во-вторых, требовалось в достаточном объеме закупить муку. Так как объем выпекаемой мацы даже небольшими общинами шел на тонны, а приобрести крупные партии качественной муки было затруднительно – требовалось обращаться в органы государственного снабжения.

Третья проблема – политическая. Далеко не всегда на просьбы общин СДР отвечал положительно. Из этого следовало, что выпечка мацы общинами могла быть непубличной и несанкционированной. Помимо представленных проблем, важной задачей являлась реализация мацы обширному кругу лиц, а значит, мацу надо было успеть выпечь и продать к празднику Песах.

К решению этих вопросов каждая община подходила по-разному, в разные годы практики обеспечения мацой менялись. Условно данные практики выпечки мацы можно разделить на две категории: централизованный процесс производства общинами и частный, выполняемый отдельными членами общины в домашних условиях.

Еще в 1950-е гг. сложилась практика обращения в государственные и кооперативные цеха по изготовлению хлебобулочных изделий. Таким образом, община выступала заказчиком, а конкретная артель – исполнителем. Помимо выпечки мацы, продажа её также шла через государственные торговые сети, как указывает С. Чарный, к такой практике прибегали общины Москвы, Ленинграда, Киев, Львова, Одессы и др. городов¹.

¹ Чарный С. А. Государственная политика в отношении еврейских религиозных общин в период «оттепели» 1953–1964: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. С. 156.

По договору 1950 г., заключенного черниговской еврейской общиной с Артелью им. Сталина на выпечку мацы, видна общая схема коммуникации общин с предприятием. Община обязывалась передать артели во временное пользование машину для раскатки мацы, сотрудники занимались выпечкой мацы, одновременно обязуясь выполнять требования, установленные общиной (запрещено было использовать для производства другой продукции помещения во время выпечки и работать в субботу сотрудникам артели). Община в свою очередь обязалась выкупить готовую продукцию из расчета 7 р. за килограмм [11, с. 64].

Сохранившиеся документы Ленинградской синагоги показывают аналогичную ситуацию, так, в ноябре 1956 г. исполнительный орган стремился заблаговременно обратиться от имени раввина Авраама Лубанова в Управление торговли Ленгорисполкома для получения разрешения от него отпуска тресту хлебопечения 110 тонн муки. Община стремилась, чтобы завод начал работу и к декабрю пустил первые партии мацы в продажу во избежание очереди, имевшей место в предыдущем году [12, л. 9].

Однако не всегда государственным предприятиям уполномоченные Совета по делам религиозных культов (название органа до 1964 г.) разрешали выпечку мацы, а кооперативы под давлением со стороны других государственных органов отказывались от подобных заказов [2, с. 171]. Из представленной выше географии городов видно, что данная практика была довольно распространенной в 1950-е гг. Одновременно с этим можно считать, что она была безопасной для самих общин, ведь подпольный цех мог обернуться санкциями.

С точки зрения контроля за религиозными общинами СДРК также было выгодно, чтобы процесс выпечки мацы был у них на виду – так они могли точно знать объемы производства и контролировать финансовые поступления. Однако уполномоченные на местах далеко не всегда разрешали обращаться в государственные цеха, порой запрещая выпечку мацы. В частности, в Литве в 1960 г. уполномоченным было полностью запрещена организованная выпечка мацы [3, с. 129].

Вторым централизованным способом изготовления мацы была организация мацепекарни силами самой общины. К середине 1960-х гг. именно этот способ можно считать наиболее популярным, в частности к нему перешла Ленинградская общи-

на. Об открытии мацепекарни в 1960 г. в общине горских евреев Нальчика сообщалось в отчете уполномоченного Кабардино-Балкарской республики [13, л. 26].

Этот способ заключался в том, что община выпекала мацу в собственном помещении синагоги, организуя специальную печь, закупаая дрова и изыскивая в нужном объеме муку. Важным условием при организации цеха было соответствие санитарным правилам. Помимо финансовых правил, мацепекарня должна была соответствовать и санитарным требованиям. В акте от 11 ноября 1968 г., подписанном санитарным врачом Октябрьского района Ленинграда, говорится о результатах обследования помещений мацепекарни, перечисляя ряд требований, необходимых к улучшению для получения разрешения на эксплуатацию [14, л. 9]. Отсутствие разрешения могло привести к запрету работы. Неудовлетворительное состояние мацепекарни в Нальчике привело к ее временному закрытию в середине 1960-х гг., после устранения нарушений она вновь заработала [13, л. 26].

Разрешение на устройство мацепекарни при синагоге как способ решения проблемы обеспечения мацой считалось легальным, общины отчитывались по тратам, платили налоги. Уполномоченный по Кабардино-Балкарской республике Л. Аисов в ежегодном информационном докладе сообщал, что горско-еврейская община Нальчика после перерыва в работе в течение 1968–1969 гг. организовала своими силами выпечку мацы, а «о деятельности мастерской известно финорганам, все необходимые виды налогов с них взысканы» [15, л. 77].

Главной задачей общины было приобретение «давальческой» муки. Для своих нужд нальчикская община просила ежегодно на протяжении 1970-х гг. от уполномоченного СДРК наряд на получение около 10 т муки [16, л. 13].

Объемы получаемой муки заботили сотрудников СДРК не только потому, что ее необходимо было разыскать и отпустить по фиксированной цене в условиях планового хозяйства, а потому, что в реализации мацы усматривалось извлечение прибыли общинами, в чем уполномоченные усматривали проблему.

В логике бюрократического аппарата отчетливо прослеживается, как рост доходов религиозных обществ связывался с повышением религиозности советских граждан, а их падение, соответственно, снижению интереса к религии.

В ленинградском отчете за 1969 г. отмечалось, что увеличение посещаемости церквей и молитвенных домов верующими и активное исполнение религиозных обрядов «влекут за собой большие доходы религиозных обществ, которые имеют тенденцию ежегодного роста» [17, л. 28].

Поэтому отпускать муку стремились в объеме нужд конкретной общины, не допуская того, чтобы образовывался излишек на продажу. В тое время на примере ленинградской и нальчикской общин видно, что они выпускали мацу и для продажи другим общинам. Ленинградская хоральная синагога произвела около трех тонн мацы по просьбе общины Ростова-на-Дону к Песаху 1974 г., на что было дано специальное разрешение и увеличен объем отпуска муки [18, л. 9].

В рамках вопроса обеспечения мацой становится видно, что за официальной отчетностью возможно увидеть не только основные аспекты функционирования иудейских общин, но и географию взаимодействия между ними. Сравнивая отчеты по деятельности синагог Ленинграда и Нальчика, видно, что ростовские евреи в 1975 г. закупили 200 кг мацы и у нальчикских горских евреев [19, л. 13].

Горизонтальная сеть взаимодействия у ленинградской и нальчикской общин была довольно обширной. Исследователь К. Карпекин отмечает, что в 1960 г. верующие белорусские евреи покупали мацу в Ленинграде [20, с. 55]. По городам, из которых за мацой приезжали в Нальчик, видно, что отдельные общины существовали в городах, где либо ранее действовала своя официальная синагога в советское время, либо где фиксировалась еврейская община только до революции.

Объясняя причину увеличения закупки муки на 2 тонны и увеличение производимой мацы в 1975 г. уполномоченный Л. Аисов указывал, что Нальчикская община снабжала мацой верующих евреев из городов группы Кавказских минеральных вод, Грозного, Ordжоникидзе, Дербента и Буйнакска. Объяснялось это тем, что только у нальчикской общины есть в распоряжении тестопрокаточная машина [19, л. 13].

Данная тенденция продолжилась и в следующем году, что вызывало негодование у Л. Аисова, который поставил вопрос о том, чтобы признать мацепекарню в разряд предприятия при религиозном обществе «со всеми вытекающими последствия»

[16, л. 14]. Схожие мысли ранее высказывал ленинградский уполномоченный Г. Жаринов в начале 1970-х гг., жалуясь на высокие доходы иудейского общества извлекаемые от мацепекарни и предлагал соответствующим министерским органам принять меры, чтобы организация выпечки мацы и прибыль, получаемая от нее, находились в руках государства [10, л. 46–47].

В рамках централизованной организации выпечки мацы выделим еще практику, к ней, в частности, прибегали нальчикские евреи. Так, во время закрытия пекарни в середине 1960-х гг. выпечка мацы осуществлялась в частных домах членами общины, но при координации и снабжении необходимыми ресурсами синагогой [13, л. 26].

Схожим образом поступали и другие общины, например общины латвийского города Резекне, когда централизованную выпечку в синагоге не разрешали, выпекали мацу в частном доме, где имелась «русская» печь, иногда процесс замешивания теста контролировал раввин [3, с. 126–127].

Особо отчетливо этот процесс виден на примере малых общин, где роль в выпечке мацы брали на себя отдельные члены общин. В Брянской области официально было зарегистрированы три общины, но синагоги не организовывали выпечки мацы на Песах. Об этом, например, докладывал А. Пастухов, секретарь исполкома городского совета Клинцев, отмечая, что в 1973 г. «маца выпекалась верующими частным способом» [21, л. 165].

Схожую информацию предоставлял секретарь Новозыбковского горсовета П. Лысаков: «коллективной выпечки мацы не проводилось» и «отдельные граждане производили выпечку мацы в своих домах, где имелись необходимые условия» [21, л. 166].

В Брянске синагога также не имела отношения к выпечке мацы, ее организовала группа верующих в составе семи человек в частном доме. Выпекалась маца в «русской» печи, общий объем которой составил 671 кг [21, л. 167]. Объемы выпечки мацы в Клинцах и Новозыбкове неизвестны, но, учитывая небольшое число верующих в этих общинах к середине 1970-х гг. (около 100 чел. в каждом городе), можно предположить, что выпекалось несколько сотен килограммов.

Обратимся к устной истории, в частности к коллекции интервью, записанных в ходе этнографической экспедиции 2016 г. Центра «Сэфер» в Брянской области. По словам евреев,

уроженцев области, традиция выпечки мацы домашним способом существовала достаточно долго и, по воспоминаниям, продолжала существовать с довоенных лет:

«На Пасху до войны, конечно, мацу пекли, конечно. Пекли дома. Раньше не было такого, пекли по домам. А папа у меня этот, ну, как его, эту мацу садил в печь. А так остальные люди сами. Ну делали эти кружочки для мацы. И пекли. Собирались, конечно, общиной, потому что так невозможно. Собирались у кого-нибудь дома, у кого большой дом. Собирались и занимались»¹.

С точки зрения фактической организации цеха мацпекарен и трудозатрат на производство известно, что в 1950-е гг., когда общины обращались в хлебопекарские предприятия, работа полностью делегировалась сотрудникам пекарен. Исключением был только инспектор от общины, выполнявший функцию «машгияха», т. е. специально обученного человека в общине, задача которого – следить за кошерностью любых кухонь и предприятий, где готовится пища. В том же 1956 г. ленинградская община стремилась договориться с трестом хлебопечения, чтобы от общины присутствовали постоянно два инспектора в цеху [12, л. 134].

В 1960-е гг., когда производством занялись сами синагоги в своих цехах, им предстояло решать вопросы найма необходимого числа сотрудников. В 1968 г. ленинградская община нанимала для работы 56 чел. в мацпекарню, в 1969 г. она смогла обойтись силами уже 42 сотрудников [14, л. 4–5]. Размером меньше отличалась нальчикская община, например, в 1975 на протяжении двух месяцев над выпечкой мацы работало четыре бригады, общей численностью 24 человека [19, л. 13].

В приведенных примерах видно, что выпечка мацы начиналась заранее за несколько месяцев, чтобы успеть реализовать мацу всем еврейским семьям. Возвращаясь к финансовой стороне, нельзя обойти вниманием вопрос стоимости мацы и ее доступности. В докладах, представляемых уполномоченными в центральный аппарат СДРК, говорится о внушительных доходах общин. Например, в отчете за 1975 г. по Ленинграду указана сумма в 75 786 р. [22, л. 57]. Однако большую часть этих средств составляли расходы: закупка муки и выплата заработной платы

¹ Полевой архив Центра Сэфер. Шифр записи: Br_K1_04 / Информант: Женщина 1925 г. рождения // Собиратели: Белова О., Каспина М., Герасимова В., Урманова А. Дата записи: 2016 г. Место записи: г. Клинцы

сотрудникам. Прибыль за отчетный год составила 38 тыс. р., но она лишь номинально учитывалась в общей кассе общины.

Получаемые суммы не могли быть полностью использованы на оплату нужд общины, зачастую религиозные объединения отдавали часть своих доходов в Фонд мира. Синагоги также переводили деньги в указанный фонд, чем больше были их доходы, тем больше взносов в фонд они отчисляли, причем деньги вычитались именно из прибыли от мацы. Например, ленинградская община в 1972 г. получила прибыль от реализации мацы в 28 тыс. р., из которых 15 тыс. направила в указанный фонд [23, л. 62].

О степени «добровольности» взносов свидетельствует следующее суждение уполномоченного Г. Жаринова от 1970 г.: «совместно с Октябрьским исполкомом и финансовыми органами будем вести работу, чтобы более значительная часть доходов от мацы была внесена в Фонд мира» [10, л. 48]. Данные отчисления были регулярными, в 1973 г. из общей прибыли в 26 тыс. р. синагога передала в фонд 13 тыс. р. [24, л. 2–3].

В Нальчике синагога в свою кассу получала суммы скромнее. При выпечке мацы в среднем от 8 до 12 т в год на протяжении 1970-х гг., чистая прибыль сильно варьировалась от 680 р. за продажу 8,6 тонн в 1976 г. [25, л. 14] до 2180 р. за продажу 9,8 т в 1979 г. [26, л. 2].

Разброс в деньгах можно попытаться объяснить нежеланием общины напрямую отчитываться за получаемую прибыль и дальнейшее исправление этой ситуации со стороны СДР. Так, в 1977 г. уполномоченный Л. Аисов усомнился в том, что 856 р. является реальной прибылью общины. В этом случае можно говорить о бюрократическом нажиме на общину в исполнении отчетности. В то же время нальчикская синагога перечисляла в Фонд Мира только 100 р. в год на протяжении второй половины 1970-х гг., а до этого не перечисляла совсем [13, л. 26].

С точки зрения доступности для члена общины – приобретателя мацы, покупка в синагогах, где маца выпекалась централизованным способом, обходилась дороже, чем выпекаемая частным образом. В Ленинграде стоимость одного килограмма мацы обходилась в 1 р. 20 к., следует из отчета за 1969 г. [10, л. 47].

Продавалась маца коробками по пять килограммов, что известно из внутренних документов синагоги, где фигурирует

упаковочный цех. Также это подтверждается математическим расчетом: деления объема выпеченной мацы на количество заказчиков. Например, известно, что в 1973 г. было выпечено чуть более 55 т мацы, при этом число заказов составило 12 271 [24, л. 52], а в 1974 г. при той же выпечке, заказчиков было 10 608. Таким образом, если высчитать средний объем готовой продукции на один заказ $(55\,000 + 55\,000)/(12\,271 + 10\,680) = 4,8$ кг. Учитывая погрешность, связанную с округлением объема выпеченной мацы, можно предположить, что вес одной коробки составлял 5 кг. При этом цена в 1 р. 20 к. не была постоянной, в случае с изготовлением мацы для общины Ростова-на-Дону, стоимость одного килограмма составила уже 2 р. [24, л. 53].

В Нальчике килограмм мацы стоил 1 р. 60 к. При этом объем отпуска на один заказ был выше, чем в Ленинграде, так на 700 заказов в 1979 г. было выпечено 9,4 т мацы [26, л. 2], или примерно 13,5 кг на один заказ. Учитывая, что в среднем нальчикская община производила 2–3 т мацы для евреев из других городов, можно считать величину заказа «оптовой» закупкой.

В общинах Брянской области цена на мацу была меньше, в Брянске один килограмм мацы продавался за один рубль. О стоимости мацы в Новозыбкове неизвестно, а про Клинцы известно «по заявлениям верующих», что выпечка 1 кг обходилась по себестоимости в 80–85 к. [21, л. 167].

Обсуждение и выводы

В силу особенностей методики сбора информации уполномоченными СДР о религиозных общинах, а именно собеседований с представителями синагог (членами исполнительных органов и/или раввинами) и письменных сведений от них же, полученные данные относились исключительно к зарегистрированным общинам. Все остальные случаи фактически не попадали в поле зрения уполномоченных. Следовательно, судить о распространённости того или иного способа производства мацы на основании этих документов невозможно. Однако, учитывая количество и географию распределения зарегистрированных общин, можно предположить, что централизованное обеспечение мацой осуществлялось преимущественно в крупных городах и в местах компактного расселения евреев с официально действующими еврейскими общинами. В регионах, где не было

зарегистрированных общин, верующие, вероятно, прибегали к частному способу производства.

Маца, являясь основным атрибутом праздника Песах, вместе с ним становится наиболее четким маркером сохранения советскими евреями религиозной традиции. По мнению этнографа Марии Каспиной, праздник Песах являлся «самым последним оплотом кошерного образа жизни», его старались отмечать даже те евреи, которые не соблюдали остальные традиции [7, с. 216].

Таким образом, исследование вопросов обеспечения мацой еврейскими общинами в позднесоветский период позволяет проследить процессы сохранения и адаптации одного из элементов еврейской традиции, а также взаимодействия еврейских общин с советской бюрократической системой. Представленные централизованные способы производства, такие как выпечка в государственных цехах или организованных общинных мацпекарнях, были сопряжены с многочисленными трудностями: от организации кошерности помещений и закупки муки до давления со стороны властей. В регионах, где зарегистрированные общины не взаимодействовали с СДР по этому вопросу или где официальные общины отсутствовали, преобладала практика частной выпечки мацы в домашних условиях.

Проблема обеспечения мацой, несмотря на её частный характер, отражает институциональный статус еврейских общин в СССР. Это подтверждается повышенным вниманием со стороны уполномоченных СДР и значительной озабоченностью членов общин. Сам процесс организации производства мацы выступал своеобразной «точкой сборки»: для незарегистрированных общин он становился стимулом к кооперации и проявлению внутриобщинной активности, в то время как зарегистрированные синагоги демонстрировали институциональную гибкость, мобилизуя значительные организационные ресурсы через свои исполнительные органы. Полученные результаты предлагают новый ракурс изучения позднесоветского еврейства, дополняя традиционный нарратив о еврейско-государственном противостоянии анализом стратегий адаптации и повседневных практик существования общин.

Список литературы

1. Казаков Е. А. В поисках «советского еврейского»: позднесоветская национальная политика // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2018. № 6. С. 190–213. EDN: GBCDYX.
2. Altshuler M. Religion and Jewish Identity in the Soviet Union, 1941–1964. Waltham: Brandeis University Press, 2012. 324 p.
3. Баркан К. А. Обеспечение еврейских религиозных общин мацов в Латвийской ССР (1946–1964) // ТИРОШ. Труды по иудаике. 2014. Вып. 14. С. 126–131. EDN: TUZJRV.
4. Страницы истории и культуры евреев Грузии: по следам экспедиции 2013 / отв. ред. М. А. Членов. М.: Пробел-2000, 2014. 136 с. EDN: TXYUCH.
5. Евреи пограничья: Смоленщина / отв. ред. С. Амосова. М.: Пробел-2000, 2018. 336 с. EDN: YPAZUV.
6. Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии: Материалы экспедиций 2011–2012 годов / отв. ред. С. Амосова. М.: Пробел-2000, 2013. 382 с. EDN: TUZJDN.
7. Каспина М. Народная религиозность советских ассимилированных евреев: свинина и хлеб вместо мацы // Евреи пограничья: Смоленщина. 2018. С. 209–220. EDN: YPBAMM.
8. Люрманн С. Что мы можем знать о советской религиозности? (Сопоставление архивных и устных источников из послевоенного Поволжья) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. Т. 30. № 3–4. С. 485–504. EDN: QZJVKX.
9. Байбурин А. К. Советский паспорт: история – структура – практики. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 488 с. EDN: XMVSPQ.
10. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-2017. Оп. 2. Д. 10.
11. Бельман С. Евреи Черниговщины после Холокоста (1945–2015) // Запорожские еврейские чтения: сборник статей и материалов, Запорожский национальный университет. Украинский институт изучения Холокоста «Ткума», 16–17 апреля 2015. Днепропетровск: Украинский ин-т изучения Холокоста «Ткума», 2016. С. 64–84.
12. Архив Санкт-Петербургской синагоги. Д. 21.
13. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР). Ф. Р-780. Оп. 2. Д. 19.
14. Архив Санкт-Петербургской синагоги. Д. 4.
15. ЦГА КБР. Ф. Р-780. Оп. 2. Д. 41.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 1151.
17. ЦГА СПб. Ф. Р-2017. Оп. 2. Д. 8.
18. ЦГА СПб. Ф. Р-2017. Оп. 1–2. Д. 42.
19. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 744.
20. Карпекин К. История иудейских общин Белорусской ССР в 1950-е – первой половине 1960-х гг. через призму документов фондов уполномоченных советов по делам религиозных культов // Белорусский исторический обзор. 2022. № 2. С. 41–59.
21. Государственный архив Брянской области. Ф. Р-2889. Оп. 1. Д. 46.
22. ЦГА СПб. Ф. Р-2017. Оп. 2. Д. 22.
23. ЦГА СПб. Ф. Р-2017. Оп. 2. Д. 16.
24. ЦГА СПб. Ф. Р-2017. Оп. 2. Д. 18.
25. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 943.
26. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 1577.

Matzah Provision by Jewish Communities in the USSR in the 1960s – 1980s

Semyon S. Padalko

The article examines the issue of matzah provision for Jewish religious communities in the USSR during the 1960s – 1980s through the perspective of Soviet bureaucracy. It analyzes

the mechanisms of matzah production and distribution, identifying two main approaches: centralized (through state-run bakeries or community matzah bakeries) and private (home baking). Special attention is paid to the interaction between communities and the Council for Religious Affairs (CRA), including challenges in obtaining flour, meeting sanitary requirements, and financial oversight. Comparative method application reveals significant differences in the strategies of interaction between communities and the authorities in three regions. Using case studies of Jewish communities in Leningrad, Nalchik, and Bryansk Oblast, the article demonstrates how authorities restricted matzah production while communities adapted to pressure while preserving religious traditions. It is concluded that organizing matzah production was a critical task for the Jewish community, requiring extensive cooperation with state institutions and affirming its institutional role. The research draws on archival materials, including reports by CRA commissioners, supplemented with ethnographic data. This study contributes to understanding the everyday religious life of Soviet Jews and their survival strategies under state control.

Key words: Matzah, Jews in the USSR, Jewish communities, Pesach, Soviet bureaucracy.

Acknowledgements: The article was prepared as part of the research grant RSF No. 24-18-00479 "Jewish Spiritual Tradition and Identity Preservation: From the Biblical Era to Modern Russia".

For citation: Padalko, S. S. (2025) Obespechenie evrejskikh obshchin matsoi v SSSR v 1960–1980-e gg. [Matzah Provision by Jewish Communities in the USSR in the 1960s – 1980s]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 107–121. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_3_107. EDN: IOABCC

References

1. Kazakov, E. A. (2018) V poiskakh "sovetskogo evreiskogo": pozdnesovetskaya natsional'naya politika [In Search of the "Soviet Jewish": Late Soviet National Policy]. *Neprikosnovenniy zapas. Debaty o politike i kul'ture* [Emergency Reserve. Debates on Politics and Culture]. No. 6. Pp. 190–213. (In Russ.). EDN: GBCDYX.
2. Altshuler, M. (2012) *Religion and Jewish Identity in the Soviet Union, 1941–1964*. Waltham: Brandeis University Press.
3. Barkan, K. A. (2014) Obespechenie evrejskikh religioznykh obshchin matsoi v Latvii-SSR (1946–1964) [Matzah Provision for Jewish Religious Communities in the Latvian SSR (1946–1964)]. *TIROSH. Trudy po iudaike* [TIROSH. Works on Jewish Studies]. Vol. 14. Pp. 126–131. (In Russ.). EDN: TUZJPV.
4. Chlenov, M. A. (ed.) (2014) *Stranitsy istorii i kul'tury evreev Gruzii: po sledam ekspeditsii 2013* [Pages of History and Culture of Georgian Jews: Following the 2013 Expedition]. Moscow: Probel-2000. (In Russ.). EDN: TXYICH.
5. Amosova, S. (ed.) (2018) *Evrei pogranich'ya: Smolenshchina* [Jews of the Borderlands: Smolensk Region]. Moscow: Probel-2000. (In Russ.). EDN: YPAZUV.
6. Amosova, S. (ed.) (2013) *Utrachennoe sosedsvo: evrei v kul'turnoi pamyati zhitel'ei Latgalii* [Lost Neighbors: Jews in the Cultural Memory of Latgale Residents]. Moscow: Probel-2000. (In Russ.). EDN: TUZJDN.
7. Kaspina, M. (2018) Narodnaya religioznost' sovetskikh assimilirovannykh evreev: svini-na i khleb vmesto matsy [Folk Religiosity of Soviet Assimilated Jews: Pork and Bread Instead of Matzah]. *Evrei pogranich'ya: Smolenshchina* [Jews of the Borderlands: Smolensk Region]. Pp. 209–220. (In Russ.). EDN: YPBAMM.
8. Luhrmann, S. (2012) Chto my mozhem znat' o sovetskoi religioznosti? (Sopostavlenie arkhivnykh i ustnykh istochnikov iz poslevoennogo Povolzh'ya) [What Can We Know About Soviet Religiosity? (Comparison of archival and oral sources from the post-war Volga region)]. *Gosudarstvo, religii, Tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Abroad]. Vol. 30. No. 3–4. Pp. 485–504. (In Russ.). EDN: QZJVXK.

9. Baiburin, A. K. (2017) *Sovetskii pasport: istoriya – struktura – praktiki* [Soviet Passport: History – Structure – Practices]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.). EDN: XMVSQP.

10. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg] (hereinafter – TsGA SPb). F. R-2017. Op. 2. D. 10.

11. Belman, S. (2016) *Evrei Chernigovshchiny posle Kholokosta (1945–2015)* [Jews of Chernihiv Region After the Holocaust (1945–2015)]. *Zaporozhskie evreiskie chteniya* [Zaporizhzhia Jewish Readings]. Dnipro: Institut izucheniya Kholokosta "Tkuma". Pp. 64–84. (In Russ.)

12. *Arkhiv Sankt-Peterburgskoi sinagogi* [Archive of St. Petersburg Synagogue]. D. 21.

13. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Central State Archive of Kabardino-Balkar Republic] (hereinafter – TsGA KBR) F. R-780. Op. 2. D. 19.

14. *Archive of St. Petersburg Synagogue*. D. 4.

15. TsGA KBR F. R-780. Op. 2. D. 41.

16. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of Russian Federation] (hereinafter – GARF). F. R-6991. Op. 6. D. 1151.

17. TsGA SPb. F. R-2017. Op. 2. D. 8.

18. TsGA SPb. F. R-2017. Op. 1–2. D. 42.

19. GARF. F. R-6991. Op. 6. D. 744.

20. Karpokin, K. (2022) *Istoriya iudeiskikh obshchin Belorusskoi SSR v 1950-e – pervoi polovine 1960-kh gg. cherez prizmu dokumentov fondov upolnomochennykh sovetov po delam religioznykh kul'tov* [History of Jewish Communities in Belarusian SSR in 1950s – First Half of 1960s Through Documents of Commissioners for Religious Cults]. *Belorusskii istoricheskii obzor* [Belarusian Historical Review]. No. 2. Pp. 41–59. (In Russ.)

21. *Gosudarstvennyi arkhiv Bryanskoi oblasti* [State Archive of Bryansk Oblast]. F. R-2889. Op. 1. D. 46.

22. TsGA SPb. F. R-2017. Op. 2. D. 22.

23. TsGA SPb. F. R-2017. Op. 2. D. 16.

24. TsGA SPb. F. R-2017. Op. 2. D. 18.

25. GARF. F. R-6991. Op. 6. D. 943.

26. GARF. F. R-6991. Op. 6. D. 1577.

Об авторе

Падалко Семён Сергеевич, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: semenpadalko14@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-9491-5003

About the author

Padalko Semyon S., Postgraduate Student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: semenpadalko14@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-9491-5003

Статья поступила в редакцию 14.05.2025

Одобрена после рецензирования 22.05.2025

Принята к публикации 10.06.2025